

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

Игнатенко Евгений Александрович

старший научный сотрудник Научно-исследовательского института

Университета прокуратуры Российской Федерации

кандидат юридических наук, доцент

iea13@mail.ru

На сегодняшний день очевиден процесс изменения отечественного уголовно-правового подхода к оценке преступности и наказуемости деяний в сфере обеспечения внутренней и внешней безопасности Российской Федерации. Сформированный в 2022 г. институт преступлений диверсионной направленности является наиболее ярким тому подтверждением. В силу новизны отдельных положений данный институт нуждается не только в разностороннем исследовании качества и полноты содержания с точки зрения внутреннего национального законодательства, но и объективно требует соотношения со схожими нормами, закрепленными в уголовных законах иных государств.

Предлагаем детализировать подходы отдельных иностранных законодателей, в частности стран, входящих в СНГ, к юридической оценке диверсии, а также сопряженных с ней преступлений диверсионной направленности.

Сразу подчеркнем, что между ними есть много общего. Например, во всех данных УК родовой и видовой объекты, поставленные под охрану от совершения диверсии, совпадают. Так, диверсия позиционируется в качестве преступления против государственной власти (государства), что выступает родовым объектом данного преступления. Видовым объектом являются общественные отношения в области защиты основ конституционного строя и безопасности государства. Во многом тождественно и законодательное описание общественно опасных деяний, посредством которых может совершаться диверсия.

Вместе с тем сопоставительный анализ УК стран СНГ позволил нам выделить несколько оснований, для классификации подходов, используемых законодателями при конструировании иных базисных признаков составов преступлений диверсионной направленности.

Одно из оснований для классификации включает особенности конструирования общественно опасных последствий, которые предусматриваются в качестве преступных, в нормах о диверсии. Согласно этому основанию выделим два законодательных подхода.

Первый подход государств – участников СНГ отражает направленность уголовного закона на обеспечение защиты от диверсии исключительно *объектов материального мира, которым может быть причинен ущерб* и не подразумевает защиту жизни и здоровья людей.

Здесь выделим Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (далее – МУК СНГ). Ответственность за диверсию установлена в ст. 297 МУК СНГ и дословно совпадает с изначальной редакцией ст. 281 УК РФ образца 1996 г. Подход подобный МУК СНГ к установлению ответственности за диверсию сохранили лишь УК Кыргызской Республики (ст. 325) и УК Республики Таджикистан (ст. 309). Диверсия, согласно этим нормам, понимается как совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения. Такое установление признаков состава диверсии вплоть до 2023 г. использовалось и в российском уголовном законодательстве. Нельзя сказать, что такая формулировка полностью отвечает современным угрозам диверсионной деятельности. На это обращают внимание исследователи киргизского и таджикского уголовно-правовых подходов и предлагают расширение признаков ст. 325 УК Кыргызской Республики [1, с. 105] и ст. 309 УК Таджикистана [2, с. 205], в т. ч. в части расширения общественно опасных последствий данной преступной деятельности.

Второй подход государств – участников СНГ предполагает равнозначную уголовно-правовую охрану от диверсии объектов материального мира, а также жизни и здоровья людей. Соответствующие постулаты закреплены в ст. 282 УК Азербайджанской Республики («совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на ... массовое отравление или распространение среди людей ... инфекционных заболеваний»); ст. 303 УК Армении («совершение взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью ...»); ст. 360 УК («совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений ...»); ст. 184 УК Республики Казахстан («совершение ... поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью»); ст. 182 УК Туркменистана («... совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, нанесение вреда их здоровью ...»); ст. 161 УК Республики Узбекистан («диверсия, то есть действия, направленные на уничтожение людей, нанесение вреда их здоровью ...»).

Указанный подход превалирует в большинстве из проанализированных УК стран – участниц СНГ, а также был воспринят в 2023 г. российским законодателем и лег в основу реформирования диспозиции ст. 281 УК РФ, согласно которой «нанесение вреда здоровью людей» отныне расценивается в качестве последствий диверсии в рамках основного состава данной статьи, а причинение смерти человеку – особо квалифицированного состава.

При этом, в некоторых УК стран СНГ в рамках основных составов диверсий установлены и более опасные последствия ее совершения: распространение эпидемий и эпизоотий (УК Азербайджанской Республики, УК Армении, УК Республики Казахстан, УК Туркменистана, УК Республики Молдова).

Предпосылки к распространению эпидемий и эпизоотий в результате диверсий объективно существуют. Здесь мы можем вести речь об умышленно созданной биологической угрозе, средствам применения так называемого биологического оружия [3, с. 42], что допустимо относить к «иным действиям» в рамках состава диверсии. Заметим, что в рассмотренных статьях УК стран СНГ, как правило, закреплён открытый перечень действий, которые могут образовывать состав диверсии. В этой связи отдельные ученые справедливо настаивают на возможности реализации так называемых «биодиверсий» [4, с. 210], законодательные основы уголовно-правового противодействия которым уже заложены в указанных выше странах.

Подчеркнем, что в ст. 281 УК РФ распространение эпидемий и эпизоотий не является признаком диверсии. Однако в связи с распространением коронавирусной инфекции, был принят отдельный Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». Согласно п. 11 ст. 8 указанного Федерального закона, «совершение диверсий с использованием патогенов» расценивается в качестве одной из основных биологических угроз (опасностей).

Подчеркнем, что рассмотренные УК государств – участников СНГ предусматривают ответственность исключительно за диверсию и не охватывают иные действия диверсионной направленности, подобно УК РФ. Лишь отдельные из них содержат в качестве обстоятельств,отягчающих ответственность за диверсию, указание на возможность ее совершения в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы (ст. 282.2 УК Азербайджанской Республики, ч. 2 ст. 360 УК Республики Беларусь, п. «б» ч. 2 ст. 182 УК Туркменистана).

Список цитированных источников

1. Жунушова, Г. Б. Уголовная ответственность за совершение диверсии по законодательству Кыргызской Республики / Г. Б. Жунушова // Вестн. КРСУ. – 2022. – Т. 22. – № 11. – С. 104–108.
2. Кудратов, Н. А. Уголовная ответственность за диверсию по уголовным законодательствам Таджикистана и Украины: компаративистский анализ / Н. А. Кудратов // Теоретические и прикладные вопросы комплексной безопасности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 203–206.
3. Карцхия, А. А. Правовое регулирование и возможности современных биотехнологий / А. А. Карцхия // ИС. Промышленная собственность. – 2020. – № 8. – С. 33–46.
4. Пухов, А. А. К вопросу о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия» / А. А. Пухов // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства: сб. ст.; материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 28 сентября 2017 г. / Под общ. ред. Е. Н. Салыгина, С. А. Маркунцова, Э. Л. Раднаевой. – М. : Юриспруденция, 2018. – С. 207–214.